

Elena Kurant

Uniwersytet Jagielloński w Krakowie

<https://orcid.org/0000-0002-1596-5433>

«ИМПЕРАТОР УМЕР — ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИМПЕРАТОР»: О ПЬЕСЕ ЕЛЕНА ГРЕМИНОЙ *150 ПРИЧИН НЕ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ* (2013)

“THE EMPEROR IS DEAD — LONG LIVE THE EMPEROR”: ON YELENA GREMINA’S PLAY *150 REASONS NOT TO DEFEND THE HOMELAND* (2013)
Yelena Gremina’s verbatim drama *150 Reasons Not to Defend the Homeland* (2013) deals with the political and existential experience of the present while ostensibly referring the historical events. The tragic history of the fifteenth century (the conquest of Constantinople by Ottomans and the end of the Byzantine Empire) is presented through the perspective of an individual who, in a moment of danger and under the threat of violence and enslavement, has to devise his own survival strategy, preserve their identity in the face of state-imposed values and choose either to make a deal with the conscience or die. The attitudes of the invaders (who praise violence), of the citizens threatened by loss of statehood, and of the witnesses of the oncoming tragedy reveal mechanisms of subjection, surrendering responsibility and conscience, and the devaluation of human life and moral principles.

Keywords: Yelena Gremina, Teatr.doc, the fall of Constantinople, post-imperial nostalgia, the Third Rome

„UMARŁ CESARZ — NIECH ŻYJE CESARZ”: O SZTUCIE JELENY GREMINY *150 POWODÓW, ŻEBY NIE BRONIĆ OJCZYZNY* (2013)

Verbatim Jelena Greminy *150 powodów, żeby nie bronić Ojczyzny* (2013) podejmuje dyskusję nad politycznym i egzystencjalnym doświadczeniem współczesności, odwołując się do historii. Tragiczne wydarzenia z XV wieku (upadek Konstantynopola, który oznaczał koniec Cesarstwa Bizantyjskiego) stają się powodem, by przyjrzeć się jednostce, która w chwili zagrożenia, pod groźbą przemocy i zniewolenia, musi dokonać wyboru własnej strategii przetrwania: zachować swoją tożsamość w obliczu wartości narzuconych przez państwo, pójść na ugodę z własnym sumieniem lub zginąć. Zarówno postawa najeźdźców (opiewanie przemocy),

Elena Kurant «Император умер — да здравствует император»...

jak i postawa mieszkańców miasta stojących przed utratą państwowości, a także świadków nadchodzącej zagłady, obnaża mechanizmy zniewolenia, rezygnacji z odpowiedzialności i sumienia, kwestionowania wartości życia ludzkiego i zasad moralnych.

Słowa kluczowe: Jelena Gremina, Teatr.doc, upadek Konstantynopola, nostalgia postimperialna, Trzeci Rzym

Постколониальный и деколониальный дискурсы, развивающиеся в рамках «постколониального поворота» в конце 80-х — начале 90-х гг. как глобальные теоретические концепты мировой научной мысли, направленные на критическое переосмысление систем власти, иерархии и репрезентации, позволяющие проблематизировать понятие «культурной идентичности», имперскости и традиционных дихотомических конструкций (центр/периферия, активный/пассивный, культура/природа, мужское/женское, монолитность/гибридность, модернизация/отсталость и др.)¹, до сих пор не получили должного осмысления в русскоязычной научной среде. С начала XXI века² постколониальный дискурс начинает включать территории Восточной Европы и России, порождая достаточное количество исследователей постколониальной идеи на постсоветском пространстве (Украина, Беларусь, Казахстан)³. В самой же России постколониальная оптика в качестве анализа российской истории и современности не вышла за рамки узко интеллектуального дискурса, несмотря на появление значимых исследовательских трудов, таких как академическая монография Александра Эткинда *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, переосмысливающая классический

¹ См. D. Bachmann-Medick, *Cultural turns: nowe kierunki w naukach o kulturze*, перев. К. Krzemieniowa, Oficyna Naukowa, Warszawa 2012, с. 214–279.

² Вопрос о включении постсоветского пространства в постколониальный дискурс был поднят американским исследователем Дэвидом Чioni Муром в статье 2001 года *Является ли «пост-» в постколониальном тем же, что в постсоветском? К глобальной постсоветской критике*. См. D.C. Moore, *Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique* // „PMLA” 2001, т. 116, № 1, с. 111–128.

³ См. А. Энгельхардт, *Будущности российской деколонизации*, http://statusproject.net/ru/futures_of_decouolonization/ (27.02.2023).

постколониальный аппарат в отношении России как колониальной империи и одновременно как колонизированной территории⁴, работы Игоря Ионова об имперском и постколониальном дискурсе в формировании образа России на Западе⁵, труды Мадины Глостановой, посвященные деколониальности, в центре внимания которых «не колониализм как исторический факт, а его важнейшее и опаснейшее последствие — колониальность власти, бытия, знания и эстетизиса, которая продолжается в новых формах и с официальным концом колониализма»⁶. Отсутствие теоретического, концептуального, институционального обобщения постколониальных идей в российской действительности можно связывать с «отсутствием политики памяти, которая позволила бы осмыслить прошлое, [...] отсутствуют институции, дебаты и ритуалы [...], которые бы основывались не на атмосфере умолчания, селекции или ресайклинга истории, а на [...] рефлексии»⁷. Идеологизация и крайняя политизация постколониального дискурса делают его, вероятно, совершенно невозможным в официальном пространстве в нынешних условиях, когда Россия ведет полномасштабную войну в Украине в качестве агрессора и одновременно проводит политику насильственной унификации и репрессивного подавления общественного мнения.

Постколониальная проблематика в таких ее выражениях, как кризис репрезентации и идентичности, чувствительность к языку описания, активное выдвижение «Другого» как

⁴ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, Новое литературное обозрение, Москва 2018, с. 383.

⁵ См. И.Н. Ионов, *Цивилизационное сознание и историческое знание: Проблемы взаимодействия*, Наука, Москва 2007; *Новая глобальная история и постколониальный дискурс* // «История и современность» 2009, № 2 и др.

⁶ М. Глостанова, *Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса* // «Человек и культура» 2012, № 1, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=141 (25.02.2023).

⁷ И. Прохорова, С. Ушакин, К. Смола, Е. Савицкий, *Постсоветское как постколониальное*, дискуссионный клуб «НЛЮ» в Шанинке 12.02.2021, <https://www.youtube.com/watch?v=270bX2yoJQs&t=4888s> (20.02.2023).

«субъекта актуального искусства»⁸ осмысляется в различных проектах социального театра, свидетельского театра, документального театра, не претендующих на «универсальную истину», вдохновленных «плюриверсальностью» освободившихся «из сетей институций и официальной культуры»⁹. Именно в таком постколониальном ключе мы попытаемся взглянуть на вербатим-пьесу *150 причин не защищать Родину* (2013) Елены Греминой, в которой переплетаются темы утраты идентичности, власти и индивида, выбора и границ компромисса, личности как субъекта истории, нелинейности самой истории, темы ожидания и предощущения гибели империи.

Елена Гремина — драматург, режиссер и сценарист, основательница Театра.doc совместно с Михаилом Угаровым. Гремина и Угаров руководили театром с момента его основания в 2002 году до смерти (оба ушли из жизни в 2018 году с разницей в один месяц). Театр.doc на программном уровне декларировал горизонтальное, т. е. лишенное иерархии построение пьесы/спектакля, которое, по мнению Угарова, «отвечает задаче отражения реальности»¹⁰, и горизонтальную структуру отношения автора к герою, выраженную в так называемой «ноль-позиции», предполагающей отказ от формулирования отношения к происходящему: «Художник сознательно отказывается от своего эго»¹¹ в духе постколониального отказа от властных отношений и ангажированного знания. Носителем «ноль-позиции» становится вербатим-пьеса, которая создана на основе монтажа дословно записанной речи информантов (доноров), неопосредованной, лишенной авторского комментария, авторитетного взгляда, формирующего зрительское

⁸ М. Глостанова, *Постколониальная теория...*

⁹ Е. Ковальская, *Know future* // «Театр» 2021, № 44, <https://oteatre.info/know-future/> (27.02.2023).

¹⁰ И. Болотян, *Антисловарь Михаила Угарова* // «Театр» 2018, № 34, <https://oteatre.info/antislovar-mihaila-ugarova/> (27.02.2023).

¹¹ Там же.

восприятие. Как будто отвечая на вопрос, вынесенный Гайя-три Спивак в заглавие эссе *Могут ли угнетенные говорить?*¹², утверждающий дискурсивную немоту субалтернов и их зависимость от интерпретации и языка угнетателей как средства репрезентации, Театр.doc и документальная пьеса выводят на сцену маргиналов, «представителей меньшинств», «невидимых обществу людей»¹³ с их неотредактированной, неприглаженной речью, давая им возможность высказаться. Негосударственный Театр.doc стал независимой площадкой открытого и острого политического высказывания, представляя зрителю пьесы о наиболее актуальных и злободневных политических событиях [*Норд-Ост. Сорок первый день* (2002) Григория Заславского, *Сентябрь.doc* (2005) Михаила Угарова и Елены Греминой, *Час-18* (2010) и *Двое в твоём доме* (2010) Елены Греминой, *Три четверти грусти (Болотное дело)* (2015) Полины Бородиной, *Правозащитники* (2016) Анны Добровольской и др.]. Но также на его сцене появлялись постановки исторических документальных пьес, в частности пьес Елены Греминой: *Краткая история русского инакомыслия* (2015) на основе документальных текстов XVII–XX веков, *Безумное путешествие за святыми дарами* (2015) на базе житий и древнерусских текстов. На сцене российских театров ставились и другие ранние пьесы Греминой на исторические сюжеты, такие как *Дело корнета О-ва* (1992), *Сахалинская жена* (1996), *Глаза дня — Мата Хари* (1996) и др. Такое, казалось бы, причудливое сочетание острозлободневных и исторических мотивов в творчестве одного драматурга все же оказывается неслучайным. Как писал Марк Липовецкий в предисловии к двухтомному изданию пьес Греминой и Угарова, «техника трансформации литературных или исторических источников, которая формируется в их ранних пьесах, впоследствии пре-

¹² См. Г.Ч. Спивак, *Могут ли угнетенные говорить* // С.В. Жеребкин (ред.), *Введение в гендерные исследования*. ч. II: *Хрестоматия*, ХЦГИ, Харьков 2001, Алетейя, Санкт-Петербург 2001, с. 649–670.

¹³ М. Вирова, «*Театр.doc*»: пятнадцать лет охоты за реальностью, <https://batenka.ru/aesthetics/theatre-doc/> (26.02.2023).

вратится в специфическую технику российского вербатима»¹⁴. Исторический документ как источник культурной памяти для Греминой сохраняет в себе опыт неизжитого травматического переживания, актуализируемого в современной реальности. Цитируя Эдварда Саида, «апелляция к прошлому — одна из самых популярных стратегий в интерпретации настоящего», в частности по причине неуверенности «в том, что прошлое действительно прошло, закончено и закрыто»¹⁵.

В тексте *150 причин не защищать Родину* рассказывается о событиях 29 мая 1453 года, когда под натиском турков пал считавшийся непобедимым Константинополь, Второй Рим, а последний византийский император погиб, защищая столицу империи. Это рассказ о том, что «однажды вдруг может исчезнуть все вокруг тебя: любимые люди, ценности, на которых вырос, великие города, мировые империи. Исчезнуть, чтоб стать совсем другим...»¹⁶.

В основу вербатима легли *Записки янычара*, хроника Константина из Островицы, который находился в турецком плену и участвовал в осаде Константинополя на стороне турков, датированная рубежом XV–XVI столетия, стихи османского султана Мехмеда II Завоевателя, завершившего эру Византийской империи, покорив Константинополь, а также стихи Юнуса Эмре, легендарного турецкого поэта, дервиша, суфия¹⁷ рубежа XIII–XIV веков в переводе самой Елены Греминой с английского языка.

¹⁴ М. Липовецкий, *Театр времен Греминой и Угарова* // Е. Гремина, М. Угаров, *Пьесы и тексты (в 2-х томах)*, т. 1, Новое литературное обозрение, Москва 2019, <https://www.litres.ru/elena-gremina/pesy-i-teksty-tom-1/> (15.02.2023).

¹⁵ Э.В. Саид, *Культура и империализм*, перев. А.В. Говорунов, Владимир Даль, Санкт-Петербург 2012, <https://coollib.com/b/486947-edvard-vadi-said-kultura-i-imperializm/read> (20.10.2022).

¹⁶ Данная и последующие цитаты приводятся по источнику: Е. Гремина, *150 причин не защищать родину* // Е. Гремина, М. Угаров, *Пьесы и тексты (в 2-х томах)*, т. 2, Новое литературное обозрение, Москва 2019, <https://www.litres.ru/elena-gremina/pesy-i-teksty-tom-2/> (10.10.2022).

¹⁷ Последователь суфизма, аскетически-мистического направления в исламе.

Молодой высокообразованный и честолюбивый Мехмед II был достойным продолжателем сонма мусульманских султанов. Его отличали интерес к поэзии, увлечение философией, страсть к ночным прогулкам инкогнито, предельная жестокость и жажда власти. Лишившись в юном возрасте единственного человека, к которому он испытывал привязанность, персидского дервиша и суфия, казненного по приказу великого визира Халила-паши, опекуна и министра при молодом султани, Мехмед пишет нежные стихи о любви, ненавидит своего визира и мечтает исполнить мечту всех турецких султанов — захватить Царьград¹⁸:

И у него было две мечты —
взять Константинополь
и казнить своего великого визира.
И 29 мая обе эти мечты сбудутся.

Византийская империя была ослаблена недавними крестовыми походами и турецкими осадами и раздроблена внутренними конфликтами. Армия Константина XI Палеолога по численности значительно уступала османцам с их мощнейшей крупнокалиберной артиллерией, к тому же внутри самого войска настроения были не самыми боевыми:

[...] Говорят, пятьсот тысяч. Они собрали войско пятьсот тысяч. И они непобедимы, говорят. И молодой султан еще хуже того, кто был. То есть лучше — для них, но хуже для нас. Нельзя доводить до штурма. [...] Они мечтают, что наш город падет, об этом все мечтают. Нас все ненавидят. [...] И за это вы мне предлагаете отдать жизнь? Вот за эти ценности? [...] Что я должен защищать? Вот эту птицу с двумя головами?

Явные параллели с современной Россией прослеживаются не только на уровне двухглавого орла, но и самого ощущения неотвратимости исторической катастрофы, происходящей здесь и сейчас, рождающейся из «повседневности, обыденности, из отношений, которым до поры до времени никто не

¹⁸ Славянское название Константинополя, перевод греческого названия «Царственный град».

придает особого значения»¹⁹. Последний оплот христианского мира на востоке активно использует риторику мессианства, пытаясь укрепить веру в имперскую мощь, в избранничество и высшее предназначение Святого города, взывая к патриотизму его жителей:

Самое главное — наше с вами единство. Мы должны поддержать императора. Мы сейчас должны вместе молиться, рядом с нашим императором. [...] Наши стены. Они неприступны. Тысячу лет наши враги пытались разрушить наши стены, никогда ни один камень, ни кирпич не упал с них. Таково пророчество — эти стены священны и неуязвимы. [...] Мы — второй Рим, мы — столица истинной веры, цитадель истинной духовности.

Однако эта риторика не приносит особого результата. Жители города в смятении, и каждый из них найдет «150 причин не защищать родину, 150 причин не объединиться в минуту опасности, 150 причин работать на врага». Среди тех, кто выбирает стратегию выживания, — константинопольский оружейник, венгр Урбан, мечтавший о славе и признании, который строит для Мехмеда великую бомбарду, срывающую стены города с землей. Янычар, воин, попавший в плен к туркам, убаюкивает свою совесть, утверждая, что только находясь среди врагов, можно узнать способ, как их победить:

Я мог погибнуть героем, не приняв ислам. Но я поступил по-другому. (С колебанием, неуверенно.) Я рискнул своей душой, чтоб понять их. Кто они и как побеждают. Я не принял смерть, чтоб изучить, как они воюют. (Смущенно.) Я стал янычаром. Я нашел способ победить! (Шепотом.) Напугать верблюдов!!!

И именно ему султан вручает золотую монету за то, что он первым приставил лестницу к городской башне. Каждый из предателей пытается оправдать себя и очернить другого, идя на компромисс с совестью. Нет единства в жителях города, нет единства и в мире. Император Константин уверен, что Европа встанет на защиту Константинополя и предоставит ему

¹⁹ М. Липовецкий, *Театр времен...*

поддержку в борьбе с турками, присылая в Константинополь подкрепление. Но ни одно из европейских государств не ответило на отчаянные письма императора с просьбой о помощи, преследуя собственные геополитические интересы и находя 150 причин, чтобы не помочь, фактически обрекая город и его жителей на смерть:

ГЕНУЯ. Кстати, я не понимаю, почему император Константин не договорился с Султаном. Мы же договорились — и ничего.

ВЕНЕЦИЯ. — Ну так это ниже их достоинства. Их мания величия равна только их жадности.

ГЕНУЯ. [...] Второй Рим! Они лопаются от спеси, а сами погрязли в пороках и интригах.

ПАПА. Формулировка, кстати, про второй Рим совершенно возмутительна, Рим один и это мы!

Культурная и цивилизационная модель Византийской империи, убеждение в том, что Константинополь в качестве наследника Римской державы, «второго Рима», колыбели восточного христианства, должен стоять во главе христианского мира усиливают раскол между востоком и западом. Даже признание Константином унии с католической церковью в поисках союза с Западом перед лицом турецкой угрозы и ради спасения города, не увенчалось успехом. Западный мир не был готов сражаться за христианство, культивируя идею своего превосходства над «Другим»: «РИМ: эти восточные европейцы не такие как мы. Варвары!».

«У тебя есть хоть одна своя мысль? У кого-то из вас? Что вам не вложила в голову эта власть? Или это тоже наша национальная особенность?» — этот вопрос задает Никифор жителям города, которые рассуждают о верховенстве Константинополя и его посланнической миссии. Эта попытка создать пространство для гражданской дискуссии резко пресекается представителем власти:

НОТАРАС (Никифору). Я не понимаю одного — почему ты еще здесь? Почему не собрал манатки и не бежал, пока можно было? Все вы еще можете сбежать. Пусть город защищают те, кто верит в наши ценности.

«Кто не с нами, тот против нас» — по сути говорит Нотарас, а ведь именно эта перефразированная из Библии фраза, так часто всплывающая на просторах истории, стала лозунгом большевистской идеологии времен Гражданской войны, не говоря уже о ее актуальности для сегодняшней политической ситуации. В больших нарративах, определяющих социальную идентичность, — незыблемой основе существования империи, которые тщательно охраняются от нападок и посягательств, нет места для дискуссии: «Empirical results show that popular history is a story about politics and war, and that historical symbols are part of cultural narratives that can be used to mobilize public opinion and construct national identity»²⁰.

При этом попытка Константина войти в «цивилизованный мир», то есть заключить союз с западной церковью оценивается как предательство не только самой империи, но и национальной, религиозной, государственной идентичности: «Это позор, принять унию, чтоб запад прислал корабли. [...] Продать им нашу веру за их корабли».

Как предательство расценивается также предложение Луки Нотараса, главнокомандующего византийским флотом и правой руки императора Константина, договориться с турками как с меньшим, по его мнению, злом. Но император скорее пойдет на смерть сам и поведет за собой жителей города, чем окажется под угрозой утраты своей собственной идентичности:

НОТАРАС. Лучше тюрбан султана, чем митра папы римского.

КОНСТАНТИН. Не говори этого больше. А то так и останешься в истории с этой фразой предателя.

В предательстве обвиняется также Джованни Джустиниани, знаменитый кондотьер-доброволец из Генуи, который приезжает в Константинополь, чтобы защищать город от неприятеля. Жители города возмущены тем, что император доверил чужеземцу командование обороной сухопутных стен

²⁰ J.H. Liu, *A Cultural Perspective on Intergroup Relations and Social Identity* // „Online Readings in Psychology and Culture” 2012, т. 5, № 3, <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1119> (12.11.2022).

(«я лучше турку поверю, чем генуэзцу»). После ранения Джустиниани покинул поле боя и скончался через два дня. Но его обвинили в трусости и в измене, умаляя героизм и игнорируя бескорыстную помощь только потому, что он очередной «Другой», «чужак», «кондотьер-проходимец», который не защищает свою родину, а «продает себя, свою кровь, свою отвагу за деньги тому, кто больше заплатит», следовательно априори не может быть верен городу и не достоин пожертвовать ради него жизнью.

Высокую цену за большой имперский нарратив, за идеократический проект византийской державы, за бытие «Другим» и неготовность принять «Другого» заплатит город и его жители. Мехмед отдал город на три дня на растерзание и разграбление своим воинам в качестве боевой награды:

Несметными толпами турки хлынули в город.
[...] Все, что можно было взять, было взято,
Потоки крови текли по крутым улицам
С холмов стекали в море, в Золотой Рог,
куда так и не пришли корабли с запада.

Не случайно все персонажи в тексте пьесы представлены рассказчицами, женщинами, ведь: «Когда больше нет мужчин, женщинам остается рассказывать». Среди героев нет ни одной женщины, имперский пафос и пространство имперских состязаний не женское место. Как пишет Эва Томпсон, «[...] w sprawach dotyczących imperium kobiety były słabe, pozostawały na usługach męskiego pragnienia władzy»²¹. В патриархальной, мускулиненной имперской культуре женщина — тот же «Другой», субалтерн, лишенный агентности, находящийся в зоне молчания. Женщины-рассказчицы, передающие историю мужчин, более того, монополизирующие себе право рассказывания, а следовательно, и знание, становятся символом конца империи: «Schyłek imperiów staje się widoczny, gdy Inni zostają wypchnięci (lub sami się wypychają) na środek sceny lub wyłaniają

²¹ E. Thompson, *Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i imperializm*, перев. A. Sierszulka, Universitas, Kraków 2000, с. 313.

się z cienia, gdzie dotychczas ich ignorowano lub niewłaściwie odczytywano»²². Женский голос как репрезентация мужских имперских амбиций, проблематизируя феминистский постколониальный дискурс, деконструирует традиционную доминантную схему имперского нарратива, разрушая привычные бинарные оппозиции «центр/периферия», «доминирующий/подавляемый», воплощает «плюриверсальность» оптики.

Хотя султан Мехмед, несомненно, обладал привлекательной внешностью, был молод, полон идей, сочинял прекрасные романтические стихотворения, в которых представал одиноким тоскующим и кротким мудрецом, молящим о любви и страдающим из-за любви, но это никоим образом не помешало ему проявлять жестокость, которая, как правоустанавливающая стихия, стремится утвердить новый порядок: «Lawmaking is powermaking, assumption of power, and to that extent an immediate manifestation of violence»²³. Мехмед II успешно расширял границы Османского государства, пополняя его казну, безжалостно избавляясь от врагов, подавляя непокорных и захватывая очередные земли. Он оправдал свое прозвище Фатих (Завоеватель), покоряя Сербию, Герцеговину, Албанию, Крымское ханство. Но именно взятие Константинополя, предрешившее судьбу Византии, ознаменовало возникновение Османской империи и сделало ее самым мощным и могущественным мусульманским государством того времени. Завоевание турками Константинополя стало потрясением для западного мира: «[...] из двух глаз один закрылся, из двух рук одна оторвана»²⁴. Но Мехмеда в Константинополь влек не только огонь джихада против христианской Византии. Не случайно, прохаживаясь по Двор-

²² Там же, с. 340–341.

²³ W. Benjamin, *Critique of Violence* // M. Bullock, M.W. Jennings (ред.), *Selected Writings*, т. 1: 1913–1926, The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge–London 1996, с. 248.

²⁴ Цит. по: Н.Г. Пашкин, *Падение Константинополя и кризис идеологии имперского универсализма на Западе* // «Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки» 2012, № 2 (102), с. 109–117, https://elibrary.ru/download/elibrary_18762550_68508736.pdf (22.11.2022).

цу Цезарей в покоренном и полуразрушенном городе, Мехмед шепчет стихи персидского поэта XIII века Саади Ширази:

Во дворце Цезарей вьет свою паутину паук;
в башнях Рима дозор несет сова.

Сова – символ мудрости и познания, паутина паука — символ созидания, упорства и космического порядка. Таким образом, входя в императорский дворец Палеологов, Мехмед выполняет свое предназначение не только как завоеватель, но и как преемник византийских императоров. Мехмед приказывает набить голову убитого императора Константина мякиной и посылать повсюду, «как знак [...] великой победы», казнить своего визира, не щадит тех греков, которые перешли на его сторону, как оружейник Урбан или мегадука Нотарас:

НОТАРАС. [...] Я не предавал. Когда Мехмет²⁵ пришел, он назначил меня губернатором города, который отныне назывался Стамбулом. Потому что Константинополь туркам было выгоднее называть неудобно. И я согласился. Кто, если не я? Я надеялся восстановить город, помочь ему. Восстановить Святую Софию. Наладить мирную жизнь.

В ответ на отказ Нотараса прислать султану на пир своего 14-летнего сына, Мехмет приказал обезглавить их обоих: «НОТАРАС. Он хотел проверить мою преданность? Или просто твердо знал, что с побежденными можно все?». Нотарас проверяет на себе, где лежит граница компромисса, когда отказ от своих убеждений переходит в отказ от себя самого, потерю своего «я».

Имперский дискурс не оставляет выбора гражданам независимо от того, готовы ли они защищать родину до последней капли крови, движимые верой в непоколебимость империи, или хотят избежать войны и кровопролития и спасти свою жизнь. Зажатые в ловушке между двумя империями, придавленные движениями пластов большой истории и амбициями власти, они так или иначе обречены на смерть, убивая дру-

²⁵ Авторская орфография — Е.К.

гих на поле боя или будучи убитыми по приказу султана. Так личность становится пушечным мясом в борьбе имперских идей и амбиций, а ее жизнь теряет всякую ценность в глазах властителей, охваченных азартом собственного величия:

И новый император, Мехмет, вышел и объехал город. Все было пустыней: ни человека, ни скота, ни птицы, каркающей или щебечущей внутри города.

Ему грустно. Кончилась движуха, а по-прежнему никто не любит. Жалко себя.

И те, кто надеялся сохранить себя, когда рухнет мир, и те, кто рушил мир, обрекая людей на смерть, оказываются жертвами своего выбора. Конформизм становится точкой невозврата, приводит к утрате собственной идентичности. Показательна в пьесе сцена встречи императора Константина и султана Мехмеда в ночь перед штурмом города. Ни один из них не готов отступить, у каждого свое понимание чести и героизма, и каждый готов защищать его любой ценой:

МЕХМЕТ. ...Если же ты согласен оставить город, то после заключения мира я даю тебе Пелопоннес, а им, твоим братьям, дам другие области, и будем друзьями.

ИМПЕРАТОР. Возьми, что хочешь, любую дань — только уходи. Оставь город.

МЕХМЕТ. Невозможно, чтобы я удалился: или я возьму город, или город возьмет меня — живым или мертвым.

Это история азарта или, как говорит сама Елена Гремина, «история страсти»²⁶, которая толкает обоих правителей в бездну жестокости и насилия. И в финале, когда на руинах города, обгаренный кровью врагов и союзников Мехмед читает свое стихотворение о несчастной любви, авторская ремарка гласит: «тихо, жалобно, это все тот же одинокий мальчик».

Победа не делает Мехмеда счастливым, его поэзия не вернет в расколотый мир гармонию, история продолжается, император умер — да здравствует император!

²⁶ А. Солнцева, *Женский взгляд на падение Константинополя. Драматург и режиссер Елена Гремина о возвращении в Византию* // «Московские новости», 23.01.2014, <https://www.mn.ru/culture/theater/89101> (27.11.2022).

Текст пьесы Елены Греминой был написан в 2013 году, то есть еще до аннексии Крыма, но тем не менее он звучит необыкновенно пророчески и актуально. И причина заключается не только в том, что, цитируя Саида:

мы должны критически переоценить ностальгию по империи, равно как гнев и возмущение, которые она вызывает у тех, кто испытал на себе бремя угнетения. Мы должны попытаться внимательно и целостно рассмотреть культуру, вскормившую имперские чувства, мысли и, помимо всего прочего, имперское воображение. Мы также должны попытаться понять гегемонию имперской идеологии [...]»²⁷.

Его пророчество связано также с историческими предпосылками. По словам Эвы Томпсон, «kompleks mitów, pamięci, symboli, wytwarzany przez narody kształtuje ich konstytutywny mit polityczny, który z kolei zaważa znacząco na ich kulturze politycznej»²⁸. Концепция преемственной связи Руси и Византийской империи получила распространение уже в XV веке как реакция на падение Константинополя. Она была сформулирована в посланиях монаха Филофея московским князьям Василию III и Ивану IV Грозному: «Два Рима пало, третий стоит, а четвертому не бывать» и на века становится существенным элементом русской историософии, оказывая влияние на культуру, идеологию, геополитику:

С падением Константинополя московский государь оказывается единственным независимым правителем православного мира [...]. В условиях средневековой идеологии, когда только за носителями истинной веры признается право на истинное бытие, другие народы оказываются как бы несуществующими, таким образом, глава Московского государства оказывается, на языке этих понятий, властителем всего мира. В этих условиях политический и конфессиональный аспекты доктрины «Москва — третий Рим» соединяются в общем теократическом значении»²⁹.

²⁷ Э.В. Саид, *Культура и империализм*...

²⁸ E. Thompson, *Trubadurzy imperium*..., с. 15–16.

²⁹ Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, *Отзвуки концепции Москва — третий Рим в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко)* // В.А. Карпушин (ред.), *Художественный язык средневековья*, Наука, Москва 1982, с. 236–249.

А постимперская ностальгия и великодержавный дискурс в России XXI века стал основой новой политики и новой риторики: «[...] она [Россия] обратилась к имперским ценностям величия, доминирования, агрессивной защиты своих интересов, национализма, шовинизма, автократии, изоляции и конфронтации с другими центрами силы»³⁰. Как писал Егор Гайдар в книге *Гибель империи*, использование ностальгических настроений, постимперского сознания в политических целях — «это политическое ядерное оружие. Его редко применяют. Конец тех, кто его применил, как правило, трагичен»³¹. И тогда «вдруг может исчезнуть все вокруг тебя: любимые люди, ценности, на которых вырос, великие города, мировые империи. Исчезнуть, чтоб стать совсем другим...».

Таким образом, драма Елены Греминой стала важным элементом активизации постколониального дискурса, обнажая механизмы создания национальных мифов и неизжитые, болезненные травмы прошлого, отражающиеся катастрофой в не менее болезненном и трагическом настоящем.

REFERENCES

- Bachmann-Medick, Doris. *Cultural turns: nowe kierunki w naukach o kulturze*. Transl. Krzemieniowa, Krystyna. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2012.
- Benjamin, Walter. "Critique of Violence." *Selected Writings*, vol. 1: 1913–1926. Ed. Bullock, Marcus, Jennings, Michael W. Cambridge–London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1996.
- Bolotyán, P'mira. "Antislovar' Mikhaila Ugarova." *Teatr*, no. 34, 2018, <https://oteatre.info/antislovar-mihaila-ugarova/>. Accessed 27 Feb. 2023 [Болотян, Ильмира. "Антисловарь Михаила Угарова." *Театр*, № 34, 2018, <https://oteatre.info/antislovar-mihaila-ugarova/>. Дата обращения: 27 февраля 2023].
- Engel'khardt, Anna. "Budushchnosti rossiyskoy dekolonizatsii." http://statusproject.net/ru/futures_of_decolonization/. Accessed 27 Feb. 2023 [Энгельхардт, Анна. "Будущности российской деколонизации." http://statusproject.net/ru/futures_of_decolonization/. Дата обращения: 27 февраля 2023].

³⁰ В.А. Рыжков, *Ностальгия по империи* // «Независимая газета», 03.03.2015, https://www.ng.ru/ng_politics/2015-03-03/10_nostalgia.html (15.12.2022).

³¹ Е.Т. Гайдар, *Гибель империи: уроки для современной России*, Росспэн, Москва 2006, с. 13.

- Etkind, Aleksandr. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018 [Эткинд, Александр. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2018].
- Gaydar, Yegor T. *Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoy Rossii*. Moskva: Rosspen, 2006 [Гайдар, Егор Т. *Гибель империи: уроки для современной России*. Москва: Росспэн, 2006].
- Gremina, Yelena. "150 prichin ne zashchishchat' rodinu." Gremina, Yelena, Ugarov, Mikhail. *P'yesy i teksty (v 2-kh tomakh)*, vol. 2. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. <https://www.litres.ru/elena-gremina/pesy-i-teksty-tom-2/>. Accessed 10 Sep. 2022 [Гремина, Елена. "150 причин не защищать родину." Гремина, Елена, Угаров, Михаил. *Пьесы и тексты (в 2-х томах)*, т. 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. <https://www.litres.ru/elena-gremina/pesy-i-teksty-tom-2/>. Дата обращения: 10 сентября 2022].
- Ionov, Igor' N. "Novaya global'naya istoriya i postkolonial'nyy diskurs." *Istoriya i sovremennost'*, no. 2, 2009 [Ионов, Игорь Н. "Новая глобальная история и постколониальный дискурс." *История и современность*, № 2, 2009].
- Ionov, Igor' N. *Tsivilizatsionnoye soznaniye i istoricheskoye znaniye: Problemy vzaimodeystviya*. Moskva: Nauka, 2007 [Ионов, Игорь Н. *Цивилизационное сознание и историческое знание: Проблемы взаимодействия*. Москва: Наука, 2007].
- Koval'skaya, Yelena. "Know future." *Teatr*, no. 44, 2021, <https://oteatre.info/know-future/>. Accessed 27 Feb. 2023 [Ковальская, Елена. "Know future." *Театр*, № 44, 2021, <https://oteatre.info/know-future/>. Дата обращения: 27 февраля 2023].
- Lipovetskiy, Mark. "Teatr vremen Greminoy i Ugarova." Gremina, Yelena, Ugarov, Mikhail. *P'yesy i teksty (v 2-kh tomakh)*, vol. 1. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. <https://www.litres.ru/elena-gremina/pesy-i-teksty-tom-1/>. Accessed 15 Feb. 2023 [Липовецкий, Марк. "Театр времен Греминой и Угарова." Гремина, Елена, Угаров, Михаил. *Пьесы и тексты (в 2-х томах)*, т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. <https://www.litres.ru/elena-gremina/pesy-i-teksty-tom-1/>. Дата обращения: 15 февраля 2023].
- Liu, James H. "A Cultural Perspective on Intergroup Relations and Social Identity." *Online Readings in Psychology and Culture*, vol. 5, no. 3, 2012, <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1119>. Accessed 12 Nov. 2022.
- Lotman, Yuriy M., Uspenskiy, Boris A. "Otzvuki konceptsii Moskva — tretiy Rim v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoy traditsii v kul'ture barokko)." *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya*. Ed. Karpushin, Vladimir A. 236–249. Moskva: Nauka, 1982 [Лотман, Юрий М., Успенский, Борис А. "Отзвуки концепции Москва — третий Рим в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко)." *Художественный язык средневековья*. Ред. Карпушин, Владимир А. 236–249. Москва: Наука, 1982].
- Moore, David Chioni. "Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique." *PMLA*, vol. 116, no. 1, 2001: 111–128.

- Pashkin, Nikolay G. "Padeniye Konstantinopolya i krizis ideologii imperskogo universalizma na Zapade." *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*, no. 2 (102), 2012: 109–117, https://elibrary.ru/download/elibrary_18762550_68508736.pdf. Accessed 22 Nov. 2022 [Пашкин, Николай Г. "Падение Константинополя и кризис идеологии имперского универсализма на Западе." *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, № 2 (102), 2012: 109–117, https://elibrary.ru/download/elibrary_18762550_68508736.pdf. Дата обращения: 22 ноября 2022].
- Prokhorova, I., Ushakin, S., Smola, K., Savitskiy, Ye. "Postsovetskoye kak postkolonial'noye." *Diskussionnyy klub "NLO" v Shaninke*, 12 Feb. 2021, <https://www.youtube.com/watch?v=270bX2yoJQs&t=4888s>. Accessed 20 Feb. 2023 [Прохорова, И., Ушакин, С., Смола, К., Савицкий, Е. "Постсоветское как постколониальное." *Дискуссионный клуб „НЛО” в Шанинке*, 12 февраля 2021, <https://www.youtube.com/watch?v=270bX2yoJQs&t=4888s>. Дата обращения: 20 февраля 2023].
- Ryzhkov, Vladimir A. "Nostalgiya po imperii. Chto budet, yesli Rossiya po ushi vtyanetsya v voynu na postsovetskom prostranstve." *Nezavisimaya gazeta*, 3 March 2015, https://www.ng.ru/ng_politics/2015-03-03/10_nostalgia.html. Accessed 15 Dec. 2022 [Рыжков, Владимир А. "Ностальгия по империи. Что будет, если Россия по уши втянется в войны на постсоветском пространстве." *Независимая газета*, 3 марта 2015, https://www.ng.ru/ng_politics/2015-03-03/10_nostalgia.html. Дата обращения: 15 декабря 2022].
- Said, Edvard V. *Kul'tura i imperializm*. Transl. Govorunov, Aleksandr. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2012. <https://coollib.com/b/486947-edvard-vadi-said-kultura-i-imperializm/read>. Accessed 20 Sep. 2022 [Саид, Эдвард В. *Культура и империализм*. Перев. Говорунов, Александр. Санкт-Петербург: Владимиръ Даль, 2012. <https://coollib.com/b/486947-edvard-vadi-said-kultura-i-imperializm/read>. Дата обращения: 20 сентября 2022].
- Solntseva, Alena. "Zhenskiy vzglyad na padeniye Konstantinopolya. Dramaturg i rezhisser Yelena Gremina o vozvrashchenii v Vizantiyu." *Moskovskiyenovosti*, 23 Jan. 2014, <https://www.mn.ru/culture/theater/89101>. Accessed 27 Nov. 2022 [Солнцева, Алена. "Женский взгляд на падение Константинополя. Драматург и режиссер Елена Гремина о возвращении в Византию." *Московские новости*, 23 января 2014, <https://www.mn.ru/culture/theater/89101>. Дата обращения: 27 ноября 2022].
- Spivak, Gayatri Chakravorty. "Mogut li ugnetennyye govorit'?" *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya*. Vol. II: *Khrestomatiya*. Ed. Zherebkin, Sergey V. 649–670. Khar'kov: KHTSGI, 2001, Sankt-Peterburg: Aleteya, 2001 [Спивак, Гайятри Чакраворти. "Могут ли угнетенные говорить." *Введение в гендерные исследования*. Ч. II: *Хрестоматия*. Ред. Жеребкин, Сергей В. 649–670. Харьков: ХЦГИ, 2001, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001].
- Thompson, Ewa M. *Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*. Transl. Sierszulaska, Anna. Kraków: Universitas, 2000.
- Tlostanova, Madina. "Postkolonial'naya teoriya, dekolonial'nyy vybor i osvobodzheniye estezisya." *Chelovek i kul'tura*, no. 1, 2012, <https://nbpublish.com/libra>

ry_read_article.php?id=141. Accessed 25 Feb. 2023 [Тлостанова, Мадина. “Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизма.” *Человек и культура*, № 1, 2012, https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=141. Дата обращения: 25 февраля 2023].

Virova, Margarita. “‘Teatr.doc’: pyatnadsat’ let okhoty za real’nost’yu.” <https://batenka.ru/aesthetics/theatre-doc/>. Accessed 26 Feb. 2023 [Вирова, Маргарита. “‘Театр.doc’: пятнадцать лет охоты за реальность.” <https://batenka.ru/aesthetics/theatre-doc/>. Дата обращения: 26 февраля 2023].